

«Дистан»

Больные небом

Микулич А.Г.

«Дистан»

Больные небом

Книга повествует об этапах становления пилота парапланериста и связанных переживаниях. Небольшие эссе, стихи и заметки, отражающие внутренний мир обучающегося и уже опытного пилота.

Микулич А.Г.

Больные небом / А.Г. Микулич – 2019. – 43 с.

Автор благодарит руководителей Летной Школы «Дистан» Аверьянова Михаила Владимировича и Кочергина Станислава Валерьевича за неоценимый вклад в развитие парашютного спорта и воспитание пилотов.

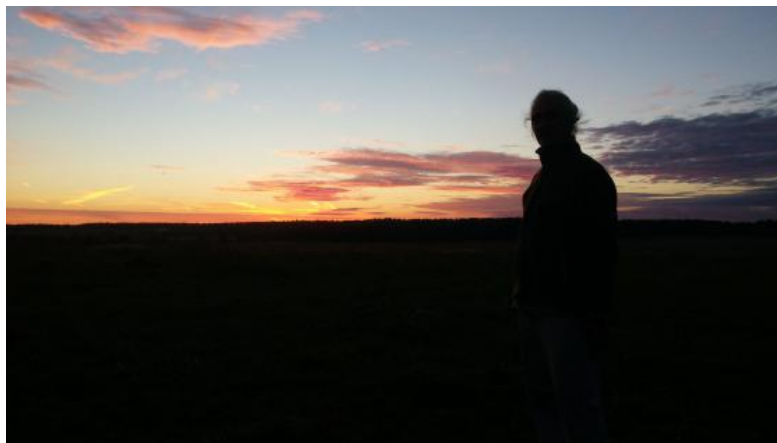
© Микулич А.Г., 2019

Содержание

<http://antoniomikulich.ru/>

1. Введение.....	3
2. Становление «Реперные точки парашютиста».....	4
3. Стихи	21
4. Песни.....	32
5. Зарисовки и аллегории.....	35
6. Улыбка.....	40

Цикл «Больные небом»

Цикл «Больные небом»

Введение

Этот цикл родился из всех переживаний, связанных с увлечением небом, поиском неба и себя в этом небе.

Трудно уйти от сравнения судьбы человека с маршрутным полетом парапланериста. Ведь парапланерист соло не имеет мотора. Он летит в пространстве, пересеченном невидимыми потоками, где есть восходящие и нисходящие струи, где ветер может быть встречный и попутный, где иногда очень низкая база возможностей, а иногда невероятно высокая. Где есть зоны ласковые, располагающие, а есть такие, которые требуют от тебя всех твоих сил и чуть больше. Где есть риск вознестись непомерно и погибнуть в ледяном безвоздушном одиночестве. Где в каждом мгновении твоего полета ты должен оценить карту возможностей и рисков и сделать выбор. Где все может в одночасье поменяться.

Где ты один на один с небом и в то же время нет. Все, кто ждет тебя, учил тебя, переживает за тебя, связаны с тобой, и не только по рации.

А бывает и так, что в жизни твоей появляется попутчик. И ты можешь настроиться с ним на одну частоту. И делить с ним то удивительное и прекрасное, что видно и чувствуется только тебе. Потому что он с тобой в одном потоке. И на одном маршруте.

Но есть и различие. Ты делаешь осознанный выбор, когда решаешься оторваться от земли и довериться по сути тряпочке над головой. И каждый раз тебе приходится принимать решение. Каждое мгновение. Цена ошибки высока.

Конечно, эта книга изобилует образами и словами не очень понятными тем, кто никогда не летал на параплане. Но, думаю, непарапланерист прекрасно

поймет суть, а воображение домыслит терминологию.

И эта книга посвящается всем, кто ищет небо. И всем, кто его уже нашел. Кто летает на тряпочках и кто летает на сказочно сложных машинах. Пилотам опытным и начинающим, асам и совсем новичкам, соло и с мотором.

И тем, кто увидев в небе парящих на цветных лоскутках под облаками, недостижимых, из другого мира существ, вдруг почувствовал очень странное, особенное ощущение. То ли в животе, то ли в груди. И потом дома ли, в шумной компании ли, или в машине - ловит себя на мысли, что он продолжает видеть этот образ. Тех далеких и недостижимых сумасшедших, скользящих под облаками на цветных тряпочках. Это значит небо его зовет. Решение придет само.

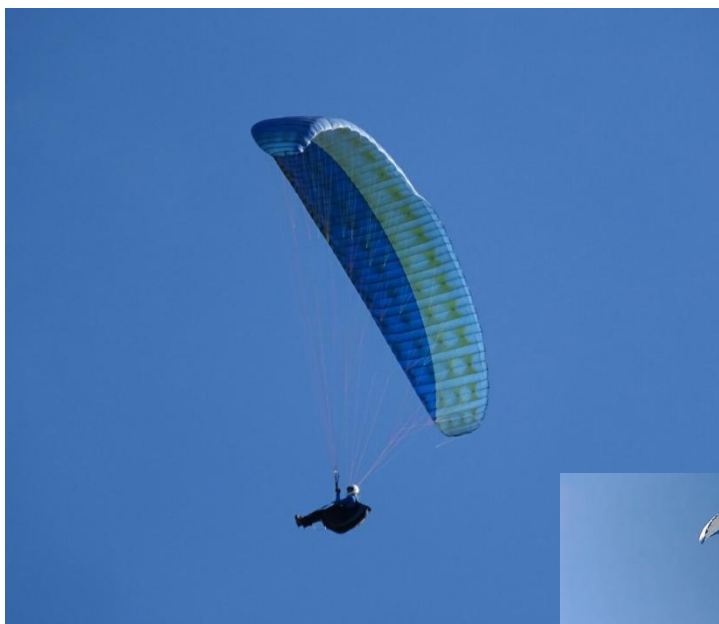
Но самый низкий поклон всем нашим учителям. Их седые волосы нам не сосчитать никогда.

Становление

*«Словно порыв, ветер дернет за
стропы,
Клеванту вниз, вес заложив,
Спираль наверх, туда, где выше ноты,
Туда, где нам путь всем открыт»*

«Реперные точки парашютиста»

Вступление

На пути каждого курсанта-парапланериста имеются только им знакомые реперные, поворотные точки. Это моменты, когда время останавливается на мгновение, и ты оказываешься вне его. И ты уже никогда не будешь прежним. Что-то непоправимо меняется в тебе и в твоей судьбе. В этот момент иногда ты можешь использовать богом данную способность творить свою судьбу, сделать выбор в какую сторону пойти, как богатырь у камня на распутье. Это момент, когда обрывается все, и ты зависаешь в вечности, хотя она длится лишь сотую долю секунды. Это знает курсант, это знает ищущий неба.

Первая точка

Когда к тебе подходит маэстро и произносит фразу: «Поменяйте купол, пожалуйста».

Вторая точка

Когда тряпочка первый раз начинает скользить по траве.

Третья точка

Когда впервые в небе слышишь в рации: «Дальше сам», и голос маэстро, занятый работой с другим человеком.

Четвертая точка

Когда слышишь впервые в рации фразу: «Ну что, пора принимать решение».

Пятая реперная точка

У каждого своя, особая, иная.

Нюансы рознятся, суть одна

Контекст ситуации я специально не стану описывать. Думаю, что каждый бывший курсант, очень живо вспоминает эти моменты. Их он вряд ли забудет когда-либо. Кто-то слышал эти фразы несколько раз, кто-то принял решение сразу, это не важно.

Нулевая точка

Еще есть нулевая точка. Но не у всех. Это когда ты впервые, в силу каких-то своих порывов все же набрал номер и впервые услышал голос маэстро и приглашение приехать туда-то и тогда-то. Не у всех, потому что кого-то могут привезти на поле или на горку друзья или как-то иначе он решил начать бегать с тряпочкой. Или родители. Но согласие было в какой-то момент принято так или иначе.

Как ни странно, каждый из этих моментов, связан с драматическим выбором или необходимостью перейти на одну ступень выше. Выше, то есть ближе к небу. Для тех кто его ищет. Для нас с вами.

Первая реперная точка

У тебя позади череда упорных попыток сделать нерешабельную вещь. Что-то уровня жонглирования пятью булавами на семи цилиндрах под доской. Ты знаешь, что ряд цирковых артистов с этим справляются. И ряд товарищей, в том числе хрупкого вида девушек, что-то такое делают с веревочками, и огромный купол плавно встает у них над головой. При этом они продолжают увлеченную беседу и кокетливо смотрят по сторонам. А ты обливаясь потом, падая в траву и задыхаясь, вновь и вновь тянешь за собой 5т, которые вместо того, чтобы взмыть над тобой легким змеем, то обгонят тебя, опутывая 7 тысячами нитей, которые потом надо распутать, как бороду на дедушкином спиннинге, то вставая как ишак на дыбы и валясь вбок. Некоторые люди, видя готового зарыдать мужика, иногда подходят и что-то говорят про «Грудью дави. Не тяни руками. Откинься весом. Руки вверх прямые. На купол смотри. Под купол иди». Или берут свободный конец в руки и, делая три магических пасса, превращают бороду в веер ровно натянутых нитей, вызывая забытые в тысячелетиях чувства встречи смертного с богами олимпа и титанами. И как-то так эта неуправляемая ткань начинает иногда, потихоньку, вдруг, появляться где-то сверху. И больше, и дольше, и чаще. И потом ты уже бежишь с ней вперед и даже, о боги, огибая высокие пучки травы. Не всегда, не без усилий, в поту, но бежишь. И вот тут происходит одна внешне неприметная вещь. К тебе подходит маэстро или посланный им титан и говорит простую, понятную фразу: «Поменяйте купол, пожалуйста! Возьмите вон тот, красный». И тут что-то обрывается в пропасть.

А это значит, что как только ты этот другой, не рассчитанный на издевательства над собой купол, поднимешь, тебе придется ответить еще на один простой вопрос: «Ну, что, полетели?»

Летный купол не готов позволить теребить себя, как тряпку. Он нацелен на другое. Да и теребить его долго тебе никто не даст.

Вторая реперная точка

Итак, ты поднял летный купол. Ты прошелся с ним десяток метров. Ты получил вопрос номер два: «Ну что, полетели? Готовы к полету?». Ты увидел этот острый взгляд, смотрящий на тебя, как рентген на флюорографии, как полиграф, как хирург на снимок таза. И ты смог загородить того, с подкашивающимися ногами, на грани потери сознания субъекта, другим лицом, которое спокойно скажет: «Да, готов». Ты прослушал все про упоротый бег, смотрение на купол, контроль направления, слушание рации, седину и ответ, ход и клеванты, перенос веса и подушку, и ты упорно кивал, стараясь не раскрывать глаза еще шире, демонстрируя абсолютное понимание пакетов продольных звуковых волн, уходящих в пространство. Ты дергал красную ручку на черном шнуре, пытаясь вырвать его вместе с руками инструктора. Ты собрал все силы в трясущихся ногах и устоял, когда условный слон взял тебя за ремень и потянул на себя. И вот тут ты, пробивший все преграды, поднявший пять тонн над головой, изобразивший бодрость и

уверенность Болта на старте кубка Верхней Полинезии в лучшие годы, явивший на своем лице понимание всех нюансов Капицы-старшего в разговоре с аспирантом, стоишь, выставив одну ногу вперед, с руками, как перебравший болельщик с шарфом команды, не заметив, что он давно лежит под скамейкой. А сзади у тебя цветная рифленая ткань, раскладывая которую на этот раз, ты чувствовал трепет пропившего бубен шамана, кладущего дары перед духом трезвости и кары. И тот, кто привязал к тебе веревку, уходящую в дебри бесконечности, в глубины бессознательного, и теряющуюся где-то в детстве, уже отошел, дернув пару раз вперед и вниз за живот. Уже прозвучало сакраментальное: «Пилот такой-то, первый полет, гольф 27, мана-мана». Уже прозвучал ответ: «Пилот такой-то мана-мана». Уже остановилось время. Уже моргнули и раскрылись еще шире глаза. Уже качнулось назад тело, переступив с ноги на ногу. Уже куда-то пропали мысли. Уже пропал куда-то шум ветра в кронах и рокот голосов. И вот тут оранжевая тряпочка начинает ползти по траве.

И вот тут останавливается мир второй раз.

IV

Третья реперная точка

Итак. Ты уже сам сделал потрясающие вещи. Ты оторвался от бренной земли. И по трудно описуемой трехмерной кривой переместился в небо. Ты смог унять близкое к истерике чувство ожидания первой в жизни команды «Отцеп!», переложив в одну трясущуюся руку другую трясущуюся клеванту. Смог не думать о тросе, уходящем нестерпимо вниз, и вырвать это самое что-то, что надо вырвать, как первый зуб.

Ты делал повороты. Ты наклонял тело. Ты долетел до старта и даже развернулся против ветра. И ты сделал ее! Ее величество подушку! Ты увидел эти радостные глаза, устремленные на тебя, искренние и смотрящие только на тебя, и услышал: «С первым полетом!» Сказанные не кому-то, а тебе! И это был не сон!

А потом ты летал в небо еще много раз. По неопишуемым трехмерным кривым. Ты не видел выражение нескольких глаз, в разные моменты твоего вознесения. Не слышал их сердечного ритма. Да и сами эти твои па ты тоже особо не заметил. В том восторженно-паническом состоянии ты не считал ничьи седые волосы. Ты вообще не считал. Тобой управлял голос твоей несшибаемой воли и твое устремление. Сакральный голос разума и спокойствия, который спит в глубинах

нашего божественного естества. Мудрый, тихий и спокойный. Наполненный любовью и знанием вечности. И поэтому ты каждый раз возвращался на землю, радостный и целенький, с новой порцией восторга, чувством новых высот и сопричастности тайнам летного искусства. И то, что этот голос мучительно напоминал кого-то очень знакомого и земного, тебя не слишком озадачивало. Эта философия была ни к чему на пути к пилотным вершинам. И со временем у тебя даже перестало холодеть в животе, когда оранжевая тряпочка начинала свое поползновение по траве. Ты стал не просто наклонять тело. Твои руки несколько согнулись в локтях и не так походили на коромысло. Они почти не тряслись при приближении к моменту перехвата клевант, когда трос нестерпимо уходил вниз. И ты стал иногда смотреть на купол без подсказок внутреннего голоса, так похожего на кого-то. И, главное, без выражения человека под мостом во время обрушения последнего. Несколько раз ты даже не услышал от него словосочетания «Контроль направления!» семь раз подряд. Ты делал спираль. В разные стороны. Наклонив тело. Ты пару раз даже не забыл потянуть руки к коленям на посадке, а не как барышня на вентиляторе, задирающем юбку сзади.

Иногда ты возвращался с куполом не совсем с середины поля. И один раз, когда ты коснулся земли, ты сделал еще целых три шага вперед, потом развернулся и потянул руки на себя. Купол лег ровной линией. И потом ты никак не мог убрать светящееся выражение, когда подходил к палатке, где сидели или лежали, ведя свои божественные беседы, титаны. Ты уже менее семнадцати раз оглядывался и просил своих однокашников поправить тебе ушко и вон ту синенькую стропу на старте.

А возвращаясь из неба, ты обсуждал особенности маневров и делился своим опытом с равными.

А однажды, о боже, встрял в разговор титанов с тем, как лучше пересекать термик, когда купол дергает вверх. И видел, как их приветливые взгляды странно фокусировались на горизонте. И им нечего было возразить тебе. Совсем нечего.

И вот тут, однажды, взлетев по уже описуемой трехмерной кривой в синее небо, под ласковый голос разума, не оставляющий тебя ни на минуту, переставив клеванту в одну руку и выдернув эту самую штуку, услышав: «Отцеп!», и трос действительно смотрел почти вниз, начав разворот, ты вдруг услышал два слова: «Дальше сам». И голос маэстро, занятого работой с другим человеком.

И вот тут мир остановился в третий раз.

Четвертая реперная точка

Ты уже летаешь сам. Но странное чувство, что некое хранительное око постоянно наблюдает за тобой. За тем как ты разложился на старте, как заходишь на посадку. И, когда ты решаешь поделаться виндговеры и начинаешь покачивать крылом, как троллейбус на остановке, ты почему-то остро чувствуешь стыд, хотя, как можно чувствовать стыд перед незримым хранительным оком? А когда тебе удастся наклонить ушко покруче, ну почти в горизонт, ты понимаешь, что единственное, что тебя свербит – это видит ли незримое око эту крутизну. И хотя его образ неуловимо напоминает кого-то близкого и земного, ты не зацикливаешься на этих играх твоего подсознания. Безсознательное и не такие кружева может плести! А у тебя уже есть прибор. Который так заливаешься при затяжке, словно на тех роликах, где титаны и боги уносятся под облака и гуляют по бескрайнему небу. И ты уже освоился на слетиках, стал играть с разворотами, хулиганить при посадке, отпускать клеванты, делая селфик или снимая красоту неопишемую.

О да! А еще раньше ты решился нарушить запрет! Ты позволил себе подумать, что это не совсем запрет! Ты стал отвечать по рации! Ты даже стал болтать иногда! В твоих полетах появилась игра. В твоих полетах появилась спонтанность. В твоих полетах появился отдых. Иногда тебе позавидовал бы любой барин, развалившийся в своем кресле-качалке на берегу своего пруда, беззаботный, потягивающий вишневую и созерцающий хоровод девиц на том берегу.

Но вот в те самые весенние и не только весенние дни! Такие вот особенные деньки! Когда после холодной ночи начинает слепить солнце, и титаны со странной собранностью разбирают свои тюки, бросая взгляды над полем и вверх, и в их голосе появляется особая нотка, движения обострены и рядом неуловимо пахнет адреналином. Вот в эти самые дни! Ох, как не просто тебе! Точнее тебе страшно! Еще точнее это колапс! Потому что блаженное скольжение по воздушной глади с чувством лежащего на качелях панды разбивается вдребезги. И в коленях начинает вибрировать не на шутку. Но ты раскладываешься. И ты взлетаешь! Тебя подкидывает на затылке так, что страхом это не назовешь. А потом по дороге назад, к палатке, втянув голову в плечи и впившись в купол взглядом человека из под рушащегося моста, тебя дергает так, что ты начинаешь думать о прочности капрона, повторяя как мантру: «Вес на несущую, вес на несущую, руку к груди, прокачка», и когда ушко хлопает, ты чувствуешь, как обваливается что-то в твоих кишках, вжимаешь голову еще глубже в плечи, водишь рукой и как-то

летишь, летишь, и возвращаешься назад. А незримое хранительное око смотрит на тебя откуда-то из воздуха и света, и его образ неуловимо напоминает кого-то близкого и земного. Это собственно, и дает тебе силы. И ты снова раскладываешь купол, хотя очередь в эти дни редет быстро. Титанов остается все меньше, а серпики их куполов тихо сливаются с небом с подветренной стороны. И растворяются в нем. И какая-то неизъяснимая грусть проникает в твое сердце каждый раз, когда ты смотришь и теряешь из виду очередной серпик. И что-то меняется в тебе. Ты начинаешь искать их! Ты прешь на них как мужик с вилами на монгольское войско. Но прешь. И временами втыкаешься. Тебя дергает, складывает, выплевывает. Но ты лезешь опять, ищешь, теряешь, разворачиваешься, рыщешь, сливаешься, слышишь этот омерзительный низкий вой из твоего прибора. Как непросто обуздать мустанга! Но как непросто обуздать невидимого мустанга!

А иногда, твой прибор, начинает пищать тем ровным высоким тоном, который ты слышал на тех роликах, где титаны и боги уносятся под облака и гуляют по бескрайнему небу. И со временем это становится не единичным, это повторяется. Твои маневры приобретают не полоумие наскоков школяра, а тугое упорство аспиранта. И ты ловишь его. Твой первый прирученный термик. Ну пусть на минутку, на 30 секунд, но ты удержал его. Мустанг вырвался, конечно, но был момент, когда он сомневался, смириться или распрощаться с тобой. И таких моментов становилось все больше. Ты даже стал пропускать очередь, пытаешься поймать вон ту тучку или что там под ней. Наивно, конечно, но стал. И твой взгляд стал совсем иначе следить за треком твоих друзей, разрезающих синеву над полем. Совсем иначе. И твой взлет имел уже массу ориентиров, о которых тебе раньше даже в голову бы не пришло.

Пару раз ты болтался на краю леса, как муха под лампочкой, то кружась, то рыская по его границе, как обозленный немец в поисках партизана, боясь углубиться и метаясь по опушке. Но плюс десять минут ты привез. И потом, однажды, ты увидел его. Странную материализацию. Фрагментарный, неповторимый и сказочный образ. Нечетко, как мираж, и непонятно каким органом. Но ты понял - это он! И ты впился в него, как паук. В этот невидимый наклонный столб посреди поля. И да, это был он! Его высочество, Термик. Тот термик, который тебя подхватил, и ты закружился с ним в упоительной схватке! Свое волнообразное анданте пел прибор, хлопало внешнее ухо, болела шея, дергало и качало, обрывки каких-то фраз, как сон, раздавались из рации. И вдруг, на мгновение отвлекшись от схватки, ты увидел, что под тобой совсем не то поле. Вернее то, но опустошающе маленькое. Далекое и чужое. Все изменилось. И пока ты пытался собраться, образ исчез, растворился, ушел из тела, которое чувствовало его своей кожей. А может его и не было. Прибор выдал омерзительный низкий вой. И ты вернулся вниз. А незримое хранительное око, которое так неуловимо напоминает кого-то близкого и земного, приземлилось вместе с тобой. Тобой, но другим.

Ты не стал сегодня участвовать в беседе рыбаков про свои уловы и приключения рыбалки. То есть полетов. Ты просто смотрел на закат, который в этот день был пронзительно красный и ясный. И потом ты стал спокойней. Ты стал как тот охотник, который чувствует, что найдет свою добычу. Хотя бы и нескоро. И вот однажды, когда ты нашел его, и держа в своих неумелых, но уже твердых руках, выкрутил до маленького поля под тобой. Когда кромки облаков уже касались тебя бахромой своих тюлевых глиссе, когда странная тишина под легкий свист ворвалась и заполнила все, вместе с незримым оком, которое не оставляло тебя ни на секунду и чей образ неуловимо напоминает кого-то близкого и земного, ты вдруг услышал голос: «Ну что? Пора принимать решение?»

И тогда мир остановился в четвертый раз.

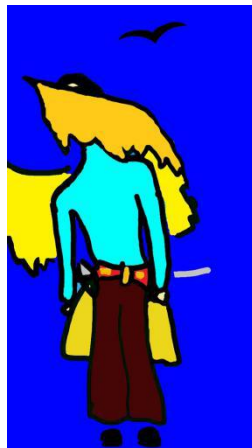
Пятая реперная точка.

У каждого своя, особая, иная.
Возможно ль обойти, иль шансы с ноготок?
Приходит вдруг она, как молния степная.
Как шашка казака, заставшая врасплох.

Кому-то МРТ, кому-то черный ворон.
Титановый крепеж, коляска или крест.
Вот только хорошо, глаза орел не тронет.
Он с нашим братом тихо улетает вверх.

А те, кто на земле, как пух весенний мягкий,
Взлетают и легко в небесной синеве,
В пещерах облаков и с ласточками в прятки
Играют в синеве беспечной. Но во сне.

А днем они не спят. Лежат, хромают, ездят.
Уныния в них нет, слезу не увидеть.
Ведь лежа и с колен они свой купол держат.
А в штиль и в минуса они умеют ждать.

Старенький пароплан

Старенький гольфик мой, в стропах узлы.
Серенький, дуешься, латка на латке.
Сколько дорог мы с тобою прошли.
Сколько потоков сдалось нашей хватке!

Сколько же раз, когда я психовал,
Видом своим успокаивал мигом.
И, если вдруг я поводья бросал,
Ты говорил мне: "Ну, что ты, амиго!"

Латанный, стертый, шуршать перестал,
Стропы в завязках, заплатки, зашивки,
Первым всегда поднимался ты сам,
Я ничего не забуду, дружище!

Наша судьба турбулентна подчас.
Если б не стойкость твоя и надёга,
Где бы, старик, я валялся сейчас?
Старенький гольфик мой, друг и подмога.

И, если в Книге, на крае когда,
Станется - я выпадаю за вилку,
Ты за спиной моей взмоешь тогда,
Бог улыбнется, и сбросит полтинку.

Паломарет. Испания. Старинный гольф 27. Пилот Витя Микулич (сын). 2017год.

Не надо играть с идеей паденья

Нет, нет.

Не надо играть с идеей паденья. Хенаро,
а может и мы, кто стоял на краю водопада?

Кокетничать с этими мыслями, косвенно, вяло,
и щелку в двери оставлять ненароком, не надо.

Мне скоро тандем мой поношенный вручат. Настроим.

Запаску бэушную втиснем в подвесочку справа.

И это как раз не сказать, чтобы гипернадёжно, но стоит.

А мы только вверх, в лабиринты тугого тумана.

В клочки облаков, там, где солнце блестит, как Белуха.

И мы приземлимся, не знаю уж где, но другие.

Чуть-чуть подожди. Мы стояли в струе водопада.

Не раз и не два. И вода просто с нами играла...

Скоро хляби сойдут

Скоро хляби сойдут, вслед за снежной порой.
Колея на дороге подсохнет.
И на фоне березок, над мерзлой травой,
Засверкавшей на утреннем солнце.
Вдруг привидится, так, невзначай, как мираж,
Что березки плывут, словно волны на пляж,
И картинка, как сон, заструится,
Что-то дернет за сердце, как нитка...
Что-то брызнет и в вены, и в мозг,
Как тебе объяснить это все?..

... не знавший неба, низменный енот, ... (см ниже по тексту)

Я обязательно вернусь

Я обязательно вернусь...
Опять
я буду шастать в треугольник.
Из ящичка отцепку воровать.
И в рацию перебивать. И в дульник

Прям за возвраткой с куполом играть,
Кого-то на затяжке накаляя.
И луком с майонезом угощать
Маэстро, и не только, забывая

Подвеску с куполом на старте... Буду чай
В палатке делать, вечно проливая,
И что-то бесполезное искать,
Над линией затяжки зависая,

Крутить спираль. Ханвагами цеплять
Случайно чьи-то ровненькие уши,
Я обязательно вернусь опять.
Не знаю как, по небу иль по суше...

Но обязательно вернусь
Опять, друзья.

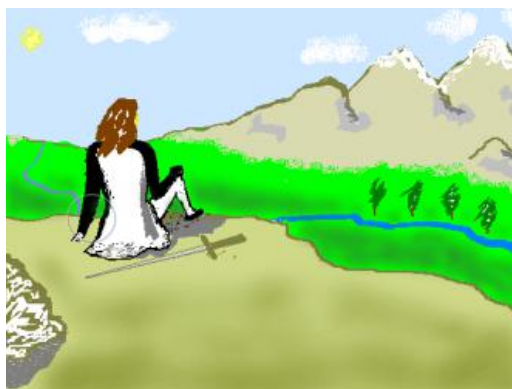
Мне сны не снятся те, в которых я

Мне сны не снятся те, в которых я.
Они остались где-то за дождями.
Туманом занесенными полями.
За той стеной из мокрого стекла...

И я не помню пейзаж за ним.
Не помню запахи тех мест. Ни звезд, ни неба.
С кем у костра делил буханку хлеба.
Дорог не помню. С кем я шел по ним?

И смех не помню. Чей он был, кого?
Да и стекло то, мокрое, не знаю,
Где в этом заповеднике оно.
Я в нем брожу, порою в нем летаю.

В делах насущных. В собственной судьбе.
В заботах, прелестях и разной суете.
По эту сторону от мокрого стекла.
Мне сны не снятся те, в которых я.

Мне сны не снятся те, что я хочу

Мне сны не снятся те, что я хочу.
Мне сны не снятся те, что были снами.
Я даже к ним подкрасться не могу.
Не то чтоб в них проснуться. Я местами

Совсем не помню их, забыл куда иду.
И ветер не толкнет меня руками.
И запах памяти не остановит вдруг.
Не пробежит мурашкой за плечами.

И кто-то очень плачет на краю
Того обрыва, где зависло время,
Где я искал, пока не бросил стремя,
Мне сны не снятся те, что я хочу.

Столько лет соскочило с обрыва

Столько лет соскочило с обрыва.
Ярких, тусклых, немое кино.
Но мое время остановилось,
Зацепилось за край и давно.

Я брожу возле этого края.
Боль и горечь свою растеряв.
Мое время висит где-то рядом.
Как росинки на кончиках трав.

Как платок, зацепившись за куст.
Как письмо, что прочесть не успел.
Как люблю, не слетевшее с уст.
И кого разыскать не посмел.

И все ближе к нему подхожу.
Но не зря я так долго наземил.
Либо время свое отыщу.
Либо я растворюсь в этом небе.

Что знаешь ты о чувствах утонченных

Что знаешь ты о чувствах утонченных,
Не знавший неба низменный енот?
Снующий в лабиринтах приземленных,
Когда мы тупо пялимся в окно!

Странное слово Вяжи

Странное слово Вяжи...
В ком резонирует звук сей?
В ком порождает надежду?
Волнующих образов дымку?
Чувство дороги щемящее?
Томление сборов?

Стартовая речевка безопасности

**Ноги, ноги, грудь, запаска,
Шлем, клеванты, рация,
Осмотрелся, вопль старта,
Купол в небо - ласточка!**

Новогодний тост

Один и тот же странный сон.
Бежим, красиво, ветер, склон.
Завязок нет и купола
Вдруг отрываются, скользя,
От склона и вперед! Вперед!
В динамик! В небо! Хоровод,
Пестря, уходит в вышину!
А я на это все смотрю...
Но снизу вверх. Лечу-верчу...
Меня сливает, не могу.
Пампасы близятся, Ашот
Тактично смотрит на капот.
Кусты, подушка, встал, трава,
А над вершиной мошкара
Пестрит! Уходит в синеву!
И на маршрут! А я стою...

Так выпьем же! Чтобы у нас!
Сливался только унитаз!
И каждый свой нашел поток!
И свой маршрут, и свой глоток
Удачи, радости, побед!
Счастливых снов! Красивых дел!
Чтобы хватало высоты
Любые топи обойти!
И долететь к своей мечте,
И к другу, если он в беде!
Еще, чтоб нервы сохранить
Тому, кто в рации сидит!
Инструктор, мама, папа, друг!
Кому так важен твой маршрут
По жизни, и кого порой
Мы забываем с суетой.

.....С новым годом!

Песни

Когда-нибудь я дотянусь

Em9 Am2 D6 C Am C7+5- H7 \ Em Am D G Em Am7 D G Em Am7 Am6 C7+5- H7

Когда-нибудь я дотянусь
до этих перистых созданий.
Когда-нибудь я соберусь
без пауэрбанка, без терзаний,
что поздно начал, что не смог
найти, кого ищу поныне,
что битву так и не довел,
что так и не пришел к вершине.

Не знаю, термик голубой,
или гроза, или пробой,
пробой сквозь базу, но не суть,
когда-нибудь я дотянусь,
когда-нибудь я дотянусь
до этих перистых созданий..

Подарки силы износил
в каких-то мутных подворотнях,
и горечи тягучий ил
задернул жалюзи на окнах.
когда-нибудь, за первый ряд,
я дерну тихо, в крайний раз,
проверю купол, развернусь,
два шага, ласточка и в путь.

Не знаю, термик голубой,
или гроза, или пробой,
пробой сквозь базу, но не суть,
когда-нибудь я дотянусь,
когда-нибудь я дотянусь
до этих перистых созданий..

Как не плети рубашки

Em Am C D Em Am C D Em Am C D Em Am C D Em\\ Am C Am7 Gmaj7 Am C Gmaj7 Em
Am C Am7 Gmaj7 Am C Hsus7 H7

Как не плети рубашки
Из крапивы в ночи,
Как не молчи, украдкой
Крик сжимая в груди,

Ты словно бы опоен,
Заговор сей не снять.
Ты Лебедь или воин,
Принцем уже не стать.

Так что открой, откройся
ветру.
Крылья расправь, как в
крайний раз.
Просто шагни, шагни
навстречу
Жизни своей один лишь шаг.

Вовсе не колдовскою
Силой ты скован весь.
Крылья твои с тобою.
Руки найдут эфес.

И в Сердце нету порчи.
Кто к нему сжёг мосты?
Весь этот лютый холод
Сам и придумал ты.

Так что открой, откройся
ветру.
Крылья расправь, как в
крайний раз.
Просто шагни, шагни
навстречу
Жизни своей один лишь шаг.

И до себя добраться
Старых путей уж нет.
Есть только шанс подняться,
Скинув вериги с плеч.

В крыльях слегка занает,
В ножнах сверкнет клинок,
Ты Лебедь или воин,
Сердце найдет поток.

Так что открой, откройся
ветру.
Крылья расправь, как в
крайний раз.
Просто шагни, шагни
навстречу
Жизни своей один лишь шаг.

Греет уж свет долину.
Принцем родился ты.
Не тебе крапиву.
Лучше возьми цветы.

Словно порыв

Закат кричит словно ветра вестник.
А я опять подхожу к окну.
И столько дел, с друзьями и без них.
Но крыло лежит в углу.

И я тебя сто лет не видел.
В ватсапе фраза: жди, люблю.
Но взгляд скользит в небесной перине.
Крыло лежит в углу.

Словно порыв, ветер дернет за стропы.
Клеванту вниз, вес заложив.
Спираль наверх, туда, где выше ноты.
Туда, где нам путь всем открыт.

Чувств твоих игривый трепет.
Льется тихо между слов.
Такой родной, заманчивый лепет,
Но я слышу шелест строп.

Словно порыв, ветер дернет за стропы.
Клеванту вниз, вес заложив.
Спираль наверх, туда, где выше ноты.
Туда, где нам путь всем открыт.
туда, где нам путь, путь всем открыт.

В кафе стоит веселый гам.
Друзья беспечны и смеются.
Мне закрывает дым глаза, и там
Ручьи по склонам вьются.

Так тянет в сторону к хребтам!
Левее два орла кружится.
И в рации звенит: "Очнись, курсант!
Тебе, опять чего-то снится!"

Словно порыв, термик дернет за стропы.
Клеванту вниз, вес заложив.
Спираль наверх, туда, где выше ноты.
Туда, где нам путь всем открыт.
Туда, где нам путь всем открыт.
Туда, где нам путь, путь всем открыт.

Песня на музыку Стинга «Shape of my heart»

Зарисовки

День без полетов.

Просто, один день.
Без полетов.

Но это не повод, поверьте!
Вспомните, какие лишения прошли индейцы при
Кортесе.
Но разве они сломились?
И дух их остался на высоте.

Опять же психолог. Прямая линия. Бесплатно и
квалифицировано.

Так что это совсем не повод. Это лишь один
прекрасный, богом данный, день. Чтобы проверить
крепость своего самоконтроля и вывести его на новую
высоту.

Без лебедки. Без динамика. Даже без термика.
Просто так, на вздохе..

Потом в туман ушел я

Собственно все туда ушли. Три раза.
Но мы видели солнце-луну. И мы летели к нему.
И наша вера, и регии в наших сердцах прорвали мглу и смог.
И мы увидели землю.
Снег, блестящий на солнце. Ущелье с горным потоком.
Хребты гор.
И за ними другие горы без конца и края.
Долины облаков. Серпантин дорог и игрушечные домики из кукольного мультфильма.
Мы плавали в этой синеве, каждый по своему неповторимому узору. Поднимаясь еще выше и опускаясь.
Но чтобы мы ни писали на небе - это было одно слово на разных языках: красота.
Многое нам открылось.
Но мы спустились...

В поисках неба

И с каждым разом мы становимся все ближе.
Мы вслушиваемся в слова мастера.
Сквозь ветер в рации мы ловим каждое слово.
Мы поднимаем и валим купол тысячу раз.
Мы обдираем колени и локти.
Но каждый раз мы встаем.
Мы лезем в воздух, как птенцы с тремя куцыми
перьями, вставая на край гнезда и прыгая вперед,
когда родителей нет рядом.
Мы делаем ошибки.
Почему судьба нас прощает?
Наверное, просто мы искренни.
И нам дается шанс.
И мы вернем этот кредит.
Потраченные нервы и внимание наших учителей.
Их крылья над нашими неоперившимися головами,
закрывающие нас от ураганов, пока мы растем.
И мы оперимся.
Не сомневайтесь.
Мы найдем небо.

Мы в любом случае полетим на небо **(аллегория)**

Мы в любом случае полетим на небо. Просто кого-то придется буксировать ангелами, а мы задним стартом выдернем, осмотрим купол, ласточку и в поток. С нами меньше хлопот.

А запаску проверять надо.

Хотя Ангелы не отпустят. Просто Ангелы держат за особый карабин. Некоторые его игнорируют или экономят на нем. Или считают, что ангелы за них все запаски проверят. Но они не ФСО, а мы не ВВ. А чаще люди думают, что они сами себе Мауэр. Если бы ангелы умели злиться, мы бы все таких огребли люлей. Вот было бы прикольно - Тайсон против своего ангела хранителя: 0-15. На сплошном синяке рассечений нет. Мой, похоже, психанул.

И я его понимаю. Я просто отцепил этот карабин. Когда думаешь, что Ангел тебе слуга, а ты чем-то заслужил неуязвимость, карабин окисляется и рассыпается.

Конечно, на много вопросов придется ответить на первой точке. Выяснится, что ты вообще не заявлен, нарушил все правила. Зачетку страшно показывать, мямлишь, что потерял. Медкомиссию по зрению обманул – как биатлонист с ведром на голове. Куда бежал так упорото? Куда палил так уверенно? Зачем? Но зачетку найдут. Еще столько выяснится, что и говорить не хочется. Такой вес прибавится, что тандем не потянет. Слез прольешь – в десять раз больше по весу, это да. На сто инфарктов. Но миокард там не рвется. Будешь думать, как же ты летал с таким весом? И если б не коллегиальная поддержка сообщества с крыльями разного класса, я не знаю куда бы

дисквалифицировали. Но ведро снимут с головы, и направят на следующие точки. Что там будет не знаю. Варик настроят, карты скинут, впишут в ведомость – это да. Там воздух разряжен. Там, говорят, задним стартом трудно. И чист. Так чист, что мысль грязная - словно слон пукнул в купе и без противогаза никак. Глаза режет. И полный слив. Так говорят. Там ребят много с крыльями еще. Они помогают. Если что, в противогазах. Крыло разложат. Окажется совсем другая техника – хотя вроде ничего нового. Ты ее слышал сто раз. Просто не на том акцент держал. И база там – слов нет как высоко! Так говорят.

Улыбка. Из цикла "Больные небом"

Гнутся стволы вековые деревьев.
Тучи бегут, как толпа басурман.
А я пробиваюсь в гипнозе весеннем,
Клевантами, весом... Диван разломал.

Я вишу активно в коридоре.
С левой асимметрией борясь.
Смотрят укоризненно синьоры.
Сын, жена, родители. Н.....ть!

Не плитку новую с айвой в японском стиле,
Не новым полом скрыв паркетный беспередел,
Я два крюка стальных заделал в коридоре,
И в старенькой подвеске улетел!

Я подлетал под базу, шел в тумане,
Меня долбило в ножницах, но я
Боролся смело с асимметрией, твистами,
И даже начал слышать голоса.

Заброшена трава, рассада, помидоры,
Неколоты дрова и в погребе вода.
А я подшил карман, поставил ИксСиСоар,
И карту Гималаев тихо закачал...

Художественная литература

Микулич А.Г.

БОЛЬНЫЕ НЕБОМ

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка, художественное оформление книги: Микулич А.Г.

E-mail:

Подписано в печать 19.11.2019. Формат 60x84 1/43.
Бумага офсетная.

